

же.— Брата своего она дѣйствительно болѣе не видала: онъ гонялся за какимъ то страшнымъ звѣремъ, опустошавшимъ Orbétique, и болѣе не вернулся изъ лѣса. Звѣрь этотъ демоническій, у него три рога, онъ уничтожалъ хлѣбъ на корню, похищалъ дѣтей изъ колыбели, вынималъ плодъ у беременныхъ женщинъ, когда онѣ были однѣ. Все это напоминаетъ la bête glapissante романовъ бретонскаго цикла—и легенду о Сисиннѣ и демонѣ, гибельномъ для новорожденныхъ и родильницъ, за которыми онъ гоняется. Легенда эта, кажется армянскаго происхожденія¹⁾; не было ли и сирійской версiи? Это шло бы на встрѣчу нашей гипотезѣ о мѣстности, въ которой зародились основы сказанiя, легшаго въ основу первой части Grand St. Graal.

Такая-же легенда, восточнаго происхожденiя, примкнула, какъ пророческій мотивъ, къ Серафу—Nasciens. Я имѣю ввиду сказанiя о Евстаѣи Плакидѣ, Губертѣ, съ символическимъ видѣнiемъ Христа въ образѣ оленя. Какъ вездѣ, такъ и въ эпизодѣ о Серафѣ оно предваряетъ обращенiе къ истинной вѣрѣ, символизуя сердечную къ тому готовность, взысканiе Христомъ. Когда Josephe показываетъ Mordrain'у и Nascien'у святыню, Nasciens останавливается въ изумленiи передъ святой чашей (стр. 305 слѣд.), глядитъ на нее съ бѣльшимъ вниманiемъ и желанiемъ, чѣмъ другiе, и первый даетъ ей названiе, которое за ней осталось: Graal: Gréal отъ agréer, потому что видѣнное имъ пришлось ему по сердцу (li plaisoit et agréoit); до тѣхъ поръ не было ничего земного, что-бы его удовлетворило, теперь же его желанiе исполнилось (у De Boron'a такое-же объясненiе слова приписано Петру, сл. выше стр. 406). И онъ вспоминаетъ, какъ однажды, когда онъ былъ еще конюшимъ, онъ отсталъ отъ своихъ товарищей и псовъ, погнавшихъ за бѣльшимъ оленемъ. Его, въ одиночествѣ, посѣтили неотвязныя думы; О чемъ думаешь ты? слышится ему голосъ; напрасно ты тщишься,

1) См. мою замѣтку: Молитва св. Сисиннѣ и Верзилово коло въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1895 г., май, стр. 226 слѣд.